

В. Э. СТАЛТМАНЕ, Л. К. ГРАУДИНА

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРЫ ЛАТЫШСКОГО ЯЗЫКА

За последние десятилетия наука о культуре литературного языка обрела очертания самостоятельного направления в советском языкознании. Проблемы нормализации литературного языка привлекали пристальное внимание советских языковедов уже в 20-е годы, когда речевая практика широких демократических слоев населения пришла в столкновение с исторически сложившимися литературными и культурными традициями национального языка.

Секцией культуры речи Союза журналистов ЛатвССР и Группой культуры речи Института языка и литературы АН ЛатвССР с 1965 г. издаются выпуски «Вопросы культуры латышского языка» («Latviešu valodas kultūras jautājumi», Rīgā, 1965—1971. Редакция: Х. Бендикс, Л. Цеплитис, И. Фрейденфельдс, Х. Грасе, А. Гутманис, Ю. Карклиньш, Т. Порите, В. Страадиня).

В этих выпусках затронуты основные положения теоретического характера, которые составляют наиболее существенные звенья науки о культуре речи.

1. Учение «о правильном» пользовании языком предполагает выработку критериев оценок речевой деятельности с целью активного воздействия на нее и руководства «речевым поведением» в обществе. Пределы такого воздействия недостаточно изучены¹. Нормативное вмешательство, очевидно, наиболее эффективно в области кодификации правописания, грамматики, терминологии, топографической и топонимической номенклатуры. Наименее доступны управлению многочисленные способы комбинации языковых элементов. Синтаксические построения речи, ее стилистическая организация, словоупотребление в широком смысле слова — все эти явления, в которых проявляются «нестесненные тенденции свободной жизни» языка (в терминологии Есперсена), и составляют до известной степени его некодифицируемые сферы. В рецензируемых выпусках наибольшее внимание уделено как раз кодифицируемым сферам².

2. Основное назначение деятельности лингвистов и языковедческих учреждений заключается в том, чтобы поддерживать стабилизацию литературного языка. Практические потребности общества диктуют необходимость сохранения устойчивости литературных норм. Литературный язык должен быть огражден от неумеренных иноязычных, диалектных или просторечных влияний³.

Латышский литературный язык развивается в условиях двуязычия. Поэтому перед латышскими языковедами очень остро стоит проблема охраны национальных норм родного языка.

Каковы пределы допустимых заимствований, где проходят границы между вредными и обогащающими влияниями, не вступает ли в противоречие консерватизм языкового идеала с представлениями о прогрессе литературного языка — этой актуальной для Латвии теме посвящено большинство всех статей сборника.

¹ Ср.: Ф. П. Ф и л и н, Несколько слов о языковой норме и культуре речи, сб. «Вопросы культуры речи», 7, 1966, стр. 16.

² Ср.: V. T a u l i, Introduction to a theory of language planning, Uppsala, 1968.

³ О консерватизме языкового идеала см.: С. И. О ж е г о в, Очередные вопросы культуры речи, «Вопросы культуры речи», 1, М., 1955; К. С. Горбачевич, Нормы литературного языка и толковые словари, «Нормы современного русского литературного словоупотребления», М.—Л., 1966; см. также: К. С. Горбачевич, Изменение норм русского литературного языка, Л., 1971; В. Г. К о с т о м а р о в, О ретроспективности учения о культуре речи, ИАН ОЛН, 1966, 2.

3. Учение о культуре речи должно опираться на общую теорию языковой эволюции⁴. Признак консерватизма литературного языка, хотя и важный, но не единственный. В связи с представлениями о подвижной, эластичной стабильности литературного языка в работах по культуре речи подчеркивается, во-первых, необходимость функционального подхода в определении критериев литературности норм, во-вторых, необходимость осознания внутренней динамики литературных норм⁵.

а) Критерий коммуникативно-стилистической целесообразности предполагает описание взаимодействия языковых стилей, разнообразных речевых ситуаций и языковых заданий. Этим вопросам в сборнике по культуре латышского языка уделено внимание с точки зрения отдельных наиболее актуальных, общественно значимых тем. Статьи, посвященные стилистическим смещениям в литературном языке, объединены в разделе «Язык и стиль». Основные из них освещают проблему взаимодействия литературного языка и диалектов; влияние разговорного языка на письменные книжные стили; язык и стиль публицистики. В этом же разделе находятся статьи более узкого практического направления (об уместных и неуместных варваризмах и жаргонизмах, о языке районной прессы, о декламации, о возникновении «модных» слов).

б) Теория динамической нормы непосредственно связана с проблемой вариантности. Существование параллельных средств в литературном языке рассматривается как нормальное состояние языковой системы, как условие ее развития, не противоречащее сущности самой системы. Признание эволюции как одного из условий существования живого литературного языка неизбежно приводит к допущению исторически обусловленных вариантов в некоторых пределах. Где проходит демаркационная линия, разделяющая ошибку и допустимый вариант, — этой важной теоретической теме посвящен ряд статей рецензируемых выпусков. Вот некоторые из поднятых вопросов: лексико-стилистические типы ошибок; отступления от норм литературного языка в области грамматики, орфоэпии, словоупотребления в газетах и в стихотворной речи. Этой же теме посвящены работы по синонимии в публицистике, в поэзии, в научном стиле.

Латышское языкознание имеет большой опыт и прочные традиции в борьбе за чистоту родного языка. Начиная с появления первой научной грамматики латышского языка в 1907 г.⁶, вопросам нормирования языка во всех его областях уделялось постоянное внимание. В этой деятельности огромную роль сыграл выдающийся латышский языковед Я. Эндзелин. Будучи лучшим знатоком истории своего и родственных языков, Я. Эндзелин любое явление языка рассматривал на фоне системных связей в языке. Слово или форма языка имели право на существование, по его мнению, только в том случае, если они находили место в системе латышского языка, были оправданы сравнительным анализом, подтверждались данными среднелатышского диалекта или были засвидетельствованы в фольклоре. В отдельных случаях Я. Эндзелин придавал немалое значение фактору традиционности и привычности норм литературного языка. В течение полувека под его руководством последовательно и неуклонно проводилась активная языковая политика развития и совершенствования

⁴ Е. Д. Поливанов, Историческое языкознание и языковая политика, сб. «За марксистское языкознание», М., 1931.

⁵ На материале русского литературного языка наиболее ярко функциональный подход выражен в ст.: В. Г. Костомаров, А. А. Леонтьев, Некоторые теоретические вопросы культуры речи, ВЯ, 1966, 5, в которой в качестве обязательного выдвигается принцип коммуникативно-стилистической целесообразности. Теория динамической нормы уделено внимание в работе Л. И. Скворцова «Норма. Литературный язык. Культура речи» (сб. «Актуальные проблемы культуры речи», М., 1970).

⁶ J. E n d z e l i n s, K. M ī l e n b a c h s, Latviešu gramatika, Rīgā, 1907.

национального латышского языка; язык очищался, в основном, от немецкого налета. На базе словообразовательных моделей родного языка создавались новые экономные средства для обозначения понятий, вводимых в речевой обиход самой жизнью⁷.

В 50—60-е годы была опубликована Академическая грамматика латышского языка в двух томах⁸. Эта грамматика заложила фундамент для научной нормализации в области орфоэпических и грамматических норм латышского языка. Ведется работа над восьмитомным толковым словарем латышского литературного языка (первый том словаря подготовлен и находится в печати).

В Институте языка и литературы ведется работа над историей латышского литературного языка.

Внимание латышских исследователей привлекает актуальная тема изучения разных форм ораторской и сценической речи⁹. В 1968—1969 гг. вышел в свет частотный словарь латышского языка¹⁰, подготовленный в Секторе математической лингвистики Института языка и литературы АН ЛатвССР.

Новый этап в изучении культуры речи латышского языка начинается во второй половине 50-х годов, когда в Институте языка и литературы АН ЛатвССР создается группа по культуре речи под руководством Т. Порите.

Работа этой группы вначале велась, в основном, в области кодификации норм правописания и транскрипции имен в двух основных направлениях: 1) в направлении совершенствования орфографии¹¹, 2) в направлении упорядочения передачи на латышский язык имен собственных. В результате этой деятельности в 1957 г. вышло постановление об усовершенствовании латышской орфографии. Кроме собственно орфографических вопросов, комиссия, работавшая над постановлением, подняла ряд вопросов чисто орфоэпического характера. Так было обращено внимание на вариативность произношения [uo]/[o]/[õ] в иноязычных суффиксах, орфографически передаваемых через *-ors* (в словах *direktors, orators* и т. п.), отмечалось колебание произношения *alā* в суффиксах: *-grafs/-grāfs, -grafija/-grāfija* и др., были взяты на учет случаи ярко выраженной тенденции к выравниванию глагольных парадигм. Второе направление дало целую серию инструкций-справочников, регламентирующих принципы передачи иноязычных собственных имен (немецких, эстонских, литовских, английских, польских, французских, итальянских, русских и др.) на латышский язык. В рецензируемых сборниках эта работа нашла отражение в ряде статей, посвя-

⁷ Это направление деятельности Я. Эндзеллина было выражено в работе руководимого им Отделения языкознания Рижского латышского общества (1920—1940), в его университетских курсах, а также в работе Терминологической комиссии советского времени. Из его публикаций в этой связи можно упомянуть следующие: J. Endzelīns, *Dažādas valodas kļūdas*, Rīgā, 1928—1932; J. Endzelīns, P. Šmits, *Izrunas un rakstības vadonis*, Rīga, 1928—1932, а также целый ряд орфоэпических пособий, вышедших под его редакцией.

⁸ «Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika», I — Fonetika, Morfologija, Rīgā, 1959; II — Sintakse, 1962 (редколлегия: А. Бергмане, Р. Грабис, М. Лепика, Э. Сокол — отв. редактор).

⁹ В этом плане представляют интерес следующие труды: Л. Цеплитис, Н. Катлаке, *Основы выразительной речи, «Izteiksmīgas runas pamati»*, Rīgā, 1968; Л. К. Цеплитис, Н. Я. Катлаке, *Теория публичной речи*, Рига, 1971.

¹⁰ Т. Јакубайте, D. Krištolovska, V. Ōzola, R. Prūse, N. Sika, *Latviešu valodas biežuma vārdnīca. I sēj. Tehnika un rūpniecība, I—II d.*, Rīgā, 1966—1968, II sēj. *Laikraksti un žurnāli, 1—2 d.*, Rīgā, 1969.

¹¹ Вопросы орфографии в латунистике всегда уделялось большое внимание; в разработке этих проблем латышскими языковедами накоплен богатый и интересный опыт. Однако орфография к развитию языка имеет, как известно, только косвенное отношение, что дает нам право орфографические проблемы в этом кратком обзоре опустить.

щевных вопросам передачи на латышский язык древнегреческих, испанских, персидских и арабских имен.

В конце 50 и начале 60-х годов первоначальная тематика, разрабатываемая в группе культуры речи, значительно расширилась за счет освещения вопросов, касающихся понятия «правильности» речи и оценки литературности существующих норм. В таком расширенном виде содержание работы группы культуры речи отражено в рецензируемых сборниках. По тематике опубликованных статей материал сборников условно можно делить на две части: популяризацию лингвистических знаний (около 12 статей) и собственно нормализацию речи и письма (свыше 200 статей). Это деление условно потому, что статьи первого раздела, как правило, обращены в сторону проблематики культуры речи, а статьи второго раздела, в свою очередь, не ограничиваются указаниями, как надо или не надо говорить, а одновременно разъясняют историю и лингвистическую суть тех или иных феноменов языка. Приведем несколько примеров популярных лингвистических заметок. В статье Т. Порите «Памяти Я. Эндзелина» (1968) показаны взгляды выдающегося языковеда на проблемы культуры речи и его вклад в эту область летуанистики. В статье Х. Бендикс «На пути к современному письму» (1969) кратко изложена история и принципы латышской орфографии, а также преемственность последних в упорядочении актуальных проблем современного письма; в работе А. Ахеро «О заимствованиях латышского языка» (1967) дан лингвистический анализ путей и способов лексических заимствований из одного языка в другой, оценка интернационального и национального факторов в этом процессе, их место и специфический вес в словарном фонде латышского языка. Небесполезными для широкого читателя представляются также элементарные сведения о готовящемся к изданию первом толковом словаре латышского языка, обзор заимствований из литовского языка в латышском, а также заметки о законах развития лексики и фразеологии.

Основная масса статей в рецензируемых сборниках посвящена самым разнообразным вопросам речевой практики современного латышского литературного языка. Небольшие заметки освещают конкретные случаи нарушения нормы по всем ярусам языка: орфоэпии, грамматике, синтаксису, словообразованию, лексике, стилистике, орфографии, практической транскрипции и др. Широко представлен также анализ особенностей различных коммуникативных сфер языка: художественной литературы и поэзии, публицистики, печати, деловой речи, терминологии и т. п. Латышские лингвисты не упустили из виду и сфер общения в слабо контролируемых массовых коммуникациях: языковое оформление различных афиш, театральных и концертных программ, вывесок, прејскурантов, ценников, названий учреждений и т. п.

Ряд статей посвящен актуальной проблеме взаимодействия языков. Проблеме двуязычия посвящены специальные статьи, в которых разбираются отдельные факты влияния русского языка на латышский. В оценке изменений в языке, вызванных иноязычным влиянием, латышские лингвисты пользуются критерием коммуникативного совершенства. Все, что способствует усовершенствованию точности, краткости и выразительности высказывания, одобряется, независимо от характера экстралингвистических факторов, вызвавших к жизни эти изменения. Показательны в этом отношении статьи А. Ахеро (1965, стр. 31—38) и частично И. Эдельмане (1971, стр. 73—85), в которых, наконец, «реабilitируются» (спустя 100 лет после появления их в латышском языке) сложные прилагательные типа *debeszils* «голубой, как небо», возникшие под влиянием немецкого языка (ср. нем. *himmelblau*). Появившуюся под влиянием русского синтаксиса конструкцию с предлогом *pie* со значением условности в медицин-

ских текстах (*pie gripas* «при гриппе») защищает М. Эндзелина (1966, стр. 134—136), убедительно показывая преимущество этой конструкции как более краткой, емкой и гибкой по сравнению с другими перифрастическими выражениями этого понятия.

С указанных выше позиций нецелесообразным представляется введение в обиход новых лексических единиц, дериватов, словоформ или оборотов, лишь дублирующих ранее имевшиеся в языке средства и не несущих в себе новой дополнительной информации, а также не совершенствующих коммуникацию с точки зрения формы; латышские лингвисты считают, что эти конструкции загромождают парадигматический ряд высказывания. Статей, ведущих борьбу с засорением латышского языка в этом направлении, в сборниках много. Например, обращено внимание (1969, стр. 36) на буквальный перевод названий грузовых машин типа *mācībi* «учебная», *dienesta* «служебная» и мн. др. Латышский генитив, хотя обычно и соответствует русскому прилагательному, в абсолютном употреблении не может выполнять той номинативной функции, которую требует данная коммуникативная ситуация. Лингвисты не без оснований возражают против ненужных «неологизмов», таких, как названия деревьев: *pihta*, *samšīts*, рыб: *skumbrija* и т. п., при наличии в языке установившихся обозначений данных реалий: *baltegle*, *buksus*, *makrele* и т. п. (1966, стр. 89).

Защищая стабильность традиционных грамматических норм, авторы не могут примириться с чуждыми системе латышского языка формами возвратных глаголов, употребляемых под влиянием русского языка в значении пассива (1966, стр. 128—134). Эти формы уже не одно десятилетие бытуют в просторечии и неотступно пробивают себе путь в литературный язык. Думается, что в этом и подобных случаях авторам статей следовало бы более аргументированно, более убедительно показать преимущества традиционно-литературных выражений (ср. *Tālumā redzams mežš* «Вдали виднеется лес») по сравнению с кальками из русского языка *Tālumā redzas mežš*. Апеллирование к неприкосновенности системы латышского языка здесь может оказаться недостаточно убедительным основанием.

Любопытным моментом, характерным для развития лексики латышского языка в советское время, является неравномерная активизация отдельных лексем языка под воздействием русского языка. Полисемия отдельных русских слов служит как бы катализатором для развития многозначности их латышских эквивалентов. Такой процесс произошел, например, в развитии семантической структуры глаголов *atzīmēt* «отметить», *noformēt* «оформить», *izpildīt* «выполнить» и др. (1966, стр. 5—18). Бурное развитие полисемии в подобных латышских словах происходит за счет свертывания их синонимов. Этой тематике в сборниках уделено немало внимания.

Если на развитие лексики советского периода большое влияние оказывает внешне малозаметное, но глубокое подводное течение — билингвизм, то процессы, происходящие на уровне грамматики, можно было бы себе представить как подчиняющиеся исключительно своим автономным внутренним законам. Тем не менее и в грамматике некоторые изменения были стимулированы факторами социального характера.

Косвенно связаны с изменением в социальной структуре общества сдвиги в глагольной системе латышского литературного языка. Выравнивание малопродуктивных классов глаголов по продуктивным — этот процесс в диалектной и разговорной речи протекал уже давно. В последнее время лингвистами было замечено, что в речи большинства говорящих на латышском языке многие глаголы второго спряжения начинают спрягаться по образцу III спряжения. С точки зрения повышения информативности языка это рационально, так как способствует разграничению форм прошедшего и настоящего времени. Поэтому лингвисты к этому наруше-

нию в исконной глагольной системе относятся весьма снисходительно. Как уже отмечалось, в решениях Орфографической комиссии 1958 г. это колебание было зарегистрировано с допущением параллельных форм. Но вот не прошло еще и десяти лет, как член этой же комиссии Х. Бендикс (1966) пишет, что из двух вариантов в практике языка начинают преобладать новые более краткие формы глаголов. И, наоборот, слияние флексий 2-го лица мн. числа настоящего и будущего времени с флексиями повелительного наклонения, не менее часто встречаемые в ненормированной речи, автор порицает, так как это «новшество» не способствует ясности и точности выражения мысли.

В этой связи необходимо отметить следующее: когда авторы заметок говорят о большей или о меньшей степени распространенности одних или других форм в народной речи, то они опираются на данные диалектов и часто оценивают эти формы в городской разговорной речи «на глазок». Не отрицая важности лингвистической интуиции, все же в будущем желательны количественные критерии в языке подкреплять более точными статистическими данными.

На уровне современной лингвистики решены в сборниках вопросы нормы и стиля. «Умение ориентироваться в ресурсах языка — это один из показателей культуры речи говорящих», — пишет М. Стенгревиц (1971, стр. 36). Даже варваризмы и жаргонные слова могут быть употреблены в литературной речи, только к месту — показывает далее автор статьи. Статьи по стилистике, проникнутые широтой и гибкостью взглядов и чувством историзма, можно отнести к лучшим в сборниках.

В целом рецензируемые сборники, несомненно, способствуют повышению культуры речи латышского языка. Принципиально верными представляются теоретические позиции авторов — новое более широкое понимание нормы литературного языка, чем это было в досоветское время, и критерии оценки языковых инноваций. Положительной оценки также заслуживает популярное изложение материала, вдумчивая аргументация своих доводов, а при разборе ошибок обязательный показ их правильной замены. Последнее очень важно, так как серия рассчитана на широкого читателя. За исключением единичных статей большинство их поднимает вопросы действительно актуальные для современного языка и решает их на уровне современной лингвистики.

В течение шестилетнего существования рецензируемой серии по культуре речи накопился значительный эмпирический материал. Можно пожелать редколлегии и авторам сборника, чтобы этот материал был обобщен с точки зрения тех новых теоретических позиций, к которым пришли латышские лингвисты, значительно изменив взгляды на литературный язык и его норму по сравнению с досоветским периодом. Для большинства читателей — нелатышей, находящихся за пределами Латвии и интересующихся теоретической проблематикой сборника, его содержание остается недоступным. Во многих республиканских изданиях авторы выходят из этого затруднения, печатая резюме ведущих статей на русском и английском языках. Это значительно облегчило бы обмен информацией и обеспечило бы возможность более широкого знакомства с результатами исследований, проводимых учеными Латвии.